

А. П. СУМАРОКОВ. ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-30-39

© Н. Д. КОЧЕТКОВА

А. П. СУМАРОКОВ И МАСОНСТВО

Сумароков-сатирик постоянно выступал против общественных пороков и злоупотреблений в современном ему обществе и вместе с тем писал сочинения, в которых создавал идеальный мир человеческих отношений, основанных на справедливости, взаимном уважении, дружбе. В осуществленном поэтом переложении 83 псалма отразились несбыточные утопические народные мечты о земном рае.¹ Давний миф о «золотом веке», привлекавший как европейских, так и русских писателей XVIII века, неизменно сохранял свою притягательность и для Сумарокова.² Его статья «Сон. Счастливое общество»³ представляет идеальное, с его точки зрения, политическое устройство, противостоящее существующему. Идеал предстает как программа, цель, к которой следует стремиться, чтобы ее осуществить. Обращение к утопии для критики общественных пороков получило продолжение и в первоначальном варианте «Хора ко превратному свету» (конец 1762 — январь 1763), в котором поэт прославлял вымышленную заморскую страну, где «почтеннее свињи, / Нежели бесстыдны сребролюбцы».⁴

С нравственно-философскими исканиями писателя был связан и его интерес к масонству, что вызывает живое внимание и полемику исследователей. Еще Г. В. Вернадский называл журнал Сумарокова «Трудолюбивая пчела» среди многих других изданий, «вполне способных дать понятие о духовной пище» масонов 1770-х годов.⁵ Однако здесь же ученый упоминал о «скудном числе специально масонских произведений» в русской периодике этого времени, имевшей по преимуществу общий нравственно-философский характер. Тем не менее некоторые современные исследователи стремятся анализировать журнал Сумарокова как своего рода метатекст, подчиненный масонской символике.⁶ Более убедительным представляется подход М. Левитта, который, возражая против такой интерпретации «Трудолюбивой пчелы», справедливо напоминает о сатирическом характере этого издания и о том, что «отпечаток личности Сумарокова ложится на весь журнал».⁷

¹ См.: Алексеева Н. Ю. Переложение-переосмысление А. П. Сумароковым 83 псалма // Аонида. М.; СПб., 2013. С. 17–23.

² См.: Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991.

³ Трудолюбивая пчела. 1759. Декабрь. С. 738–747. Подпись: А.

⁴ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 8. С. 361.

⁵ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд., испр. и расширенное / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 134–135.

⁶ Растягаев А. В., Сложеникина Ю. В. 1) «Сон, шастливое общество» А. П. Сумарокова: К проблеме вербального кода русского масонского текста // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 2. С. 35–39; 2) Начало и конец «Трудолюбивой пчелы»: утопический проект А. П. Сумарокова // XVIII век: Литература в эпоху идиллий и бурь: Науч. сб. М., 2012. С. 331–338; целый ряд других публикаций.

⁷ Левитт М. 1) Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»: композиция и направление // Дар дружества и муз. М.; СПб., 2018. С. 69–77; 2) Вопрос о масонстве А. П. Сумарокова

Отношение писателя к масонству было достаточно сложным и претерпело существенные изменения за время его участия в этом движении. Известно, что он был членом петербургской масонской ложи, действовавшей в 1756–1759 годах.⁸ По требованию Елизаветы Петровны М. М. Олсуфьев написал донесение об этой ложе, характеризуя ее как «не что иное, как ключ дружелюбия и братства».⁹ Этому находим соответствие и в масонских песнях Сумарокова, относящихся, очевидно, ко второй половине 1750-х годов и включенных Н. И. Новиковым в издание сочинений Сумарокова. Песня «Благополучны дни нашими временами...», в которой восхваляются культ дружбы и высокие нравственные качества масонов, очевидно, впоследствии привлекла к себе особое внимание Новикова, поместившего ее на самом первом месте в разделе песен. Здесь есть, в частности, такие строки:

Честности здесь уставы:
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы,
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит.
Дружба, твои успехи,
Увеселяют нас:
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих,
Дерзко не рассуждаем,
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки
Должны себя явить,
Мы золотые веки
Тщимся возобновить.¹⁰

Другая песня «Кто хулит франмасонов...» написана в защиту масонов от нападок на них, выразившихся, в частности, в таких песнях, как «Появились недавно в России франк-масоны...», «Пороки умножая, в храм пьянства кто идет...», «Полны лжи ваши законы оказались франкмасоны...».¹¹ Сумароков создает образ идеального поборника добра, который чтит христианскую веру и предан земному властителю:

и о якобы масонском характере его журнала «Трудолюбивая пчела» // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2019. Вып. 8. С. 228–238. Здесь же М. Левитт приводит сведения о других публикациях авторов на эту тему, но выражает сожаление о том, что они «превращают любую простую идею в масонскую» (Там же. С. 231).

⁸ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 778–779; 964–965.

⁹ Олсуфьев М. М. Донесение о масонстве // Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Ч. 4. Отд. 3. С. 49.

¹⁰ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... Ч. 8. С. 173–174.

¹¹ Мартынов И. Ф. Ранние масонские стихи и песни в собрании Библиотеки академии наук СССР (К истории литературно-общественной полемики 1760-х гг.) // Russia and the World of the Eighteenth Century / Ed. by R. P. Bartlett, A. G. Cross, K. Rasmussen. Columbus, Ohio, 1988. P. 439–440.

Когда бы ты спросился,
 Как верен франмасон:
 В котором он родился,
 Тот держит и закон.
 Быть верен должен власти,
 И так веру любить,
 Чтоб все презрев напасти,
 И кровь свою пролить.

<...>

Любить людей, как должно,
 И бедным помогать,
 И, сколько где возможно,
 Беды им отвращать.

Словом тебе сказать,
 Он честной человек;
 А тайну их спознати,
 Нельзя тебе вовек.¹²

Созданный в песне образ благородного рыцаря и преданного друга позднее оставался живым примером для Новикова и ближайших участников созданного им кружка (таких людей, как А. М. Кутузов, И. П. Тургенев, И. В. Лопухин). Иным оказалось масонское окружение Сумарокова, как можно судить по составу той ложи, членом которой он стал. Идеальные представления Сумарокова о масонах и их братстве, по-видимому, постепенно уступили место и сомнениям, и разочарованиям.

Ставя вопрос об отношении писателя к масонству, необходимо помнить о том, как разнородно и внутренне противоречиво было это явление, как различны были устремления людей, связанных с ним. Известная исследовательница масонства Т. О. Соколовская отмечала: «В самом лоне каменщикеского собратства шли распри, возгоралась борьба, и река масонства разбивалась на множество ручьев, из которых каждый имел свое течение, свои особенности. Поэтому о масонстве нельзя говорить, как о чем-то целом, неделимом».¹³ Важно учитывать также и отношение Сумарокова не только к масонству вообще, но и к тем конкретным людям, с которыми ему пришлось непосредственно общаться в масонской ложе. С одной стороны, все больше возрастало его критическое отношение к таким наиболее знатным и влиятельным при дворе Елизаветы Петровны людям, как Р. И. Воронцов и Шуваловы. С другой стороны, он смог ближе узнать М. М. Щербатова, с которым его многое объединяло.¹⁴

Главой ложи (гранметром и мастером стула) был генерал-поручик сенатор Роман Илларионович Воронцов, старший брат Михаила Илларионовича, ставшего в 1758 году канцлером. Оба пользовались большим доверием императрицы Елизаветы Петровны и имели влияние при дворе. Но Роман Воронцов печально прославился своим корыстолюбием и лихоимством. Щербатов, входивший в эту же ложу, впоследствии писал о нем как человеке, «во все

¹² Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... Ч. 8. С. 323–324, с исправлением по рукописному сборнику в строке: «Быть верен должен власти» (РНБ. Тит. 3759. № 113. Л. 103 об.) вместо «Быть должно людям в власти». См.: Кочеткова Н. Д. О поправках к текстам песен Сумарокова в издании Н. И. Новикова // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30. А. П. Сумароков и русская литература его времени. С. 69.

¹³ Соколовская Т. О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2. С. 54 (репринтное воспроизведение издания 1915 года).

¹⁴ См.: Рустам-Заде З. П. Жизнь и творчество М. М. Щербатова. СПб., 2000. С. 30–31.

время своей жизни признанном мздоимцем».¹⁵ Он был сказочно богат, и его называли «Роман — большой карман».

Другим именитым членом ложи был Иван Иванович Шувалов, не менее близкий к императрице, входивший в ее свиту, известный меценат, но покровительствовавший Ломоносову и поддерживавший его в продолжавшейся литературной полемике с Сумароковым. Основную часть составляли офицеры из разных полков. Входили в ложу также иностранцы: это были музыканты (по-видимому, они играли на заседаниях ложи для увеселения братьев). При таком составе трудно представить себе общение на равных между членами ложи, явно не способными восстановить «золотые веки», о которых увлеченно писал Сумароков. Достаточно вспомнить яркий штрих, упоминаемый в донесении Олсуфьева: вновь принимаемый в общество должен был в конце церемонии «у гранметра целовать левую ногу три раза». О «гранметре» Р. И. Воронцове сообщалось, что его «за совершенного законодателя и храма Соломонова защитника и святителя признавают».¹⁶

При всем разнообразии масонских систем и различии в обрядах общим законом была строгая внутренняя иерархия, своего рода «табель о рангах».¹⁷ Члены ложи изначально были неравноправны: мастер, товарищ, ученик; существовали и многие другие разграничения в доступе к масонским тайнам. При этом, как заметил Дуглас Смит, «орденская иерархия не отменяла и не обесценивала гражданскую, поскольку духовная деятельность, согласно представлениям масонов, не противопоставлялась государственной».¹⁸ Хотя в теории достигнуть высших степеней могли наиболее достойные, наиболее добродетельные братья, на деле, конечно, очень многое зависело просто от титула и чина (как и в случае с Р. И. Воронцовым). «Сквозь дымку равенства, которую набрасывало на „братьев“ участие в ордене, — писал Г. В. Вернадский, — отчетливо проступали все „светские“ различия общественного положения».¹⁹

В соответствии с иерархией, масонские тайны сообщались далеко не всем, и владевшие ими давали почувствовать низшим свое превосходство. Все это не могло не задевать самолюбивого Сумарокова. Годы пребывания в масонской ложе (1756–1759) были для него очень нелегкими. Он прилагал массу усилий, чтобы наладить деятельность только что образованного под его руководством российского театра; многократно обращался к Шувалову, писал ему отчаянные письма, тщетно пытаясь найти у него материальную и моральную поддержку.²⁰ Между тем в 1758 году появился первый том «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» Ломоносова, изданный благодаря Шувалову Московским университетом. В 1759 году стало ясно, что надежды Сумарокова быть «при Академии» или «при университете» неосуществимы. 15 ноября 1759 года он писал своему именитому собрату по ложе: «...ежели я по всей справедливости не буду в академии, так я больше утруждать ваше превосходительство не стану, и, оставив бесполезные прошения, по окончании сего года во всю жизнь мою ничего издавать на свет не буду...».²¹

¹⁵ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева / [Вступ. статья и комм. Н. Я. Эйдельмана]. М., 1983. С. 88 (факсимильное издание книги Вольной русской типографии 1858 года).

¹⁶ Олсуфьев М. М. Донесение о масонстве. С. 49–50.

¹⁷ Raev M. Origins of the Russian Intelligentsia: the Eighteenth-Century Russian Nobility. New York, 1966. P. 111–112.

¹⁸ Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке / Авторизованный пер. с англ. К. Осповата и Д. Хитровой. М., 2006. С. 107.

¹⁹ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 253.

²⁰ См.: Сумароков А. П. Письма / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 70–87.

²¹ Там же. С. 87.

Очевидно, к этому времени он постепенно начал проникаться скептицизмом и к тем самым масонским тайнам, которыми так гордились его старшие по иерархии собратья. Масонская символика нашла своеобразное отражение в цикле из трех отдельных стихотворений, опубликованном в 1759 году в журнале «Трудолюбивая пчела» и затем включенном Новиковым в «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» Сумарокова в раздел «Разные мелкие стихотворения». Приводим эти тексты:

Новые изобретения

I

Вскоре
 Поправить плаванье удобно в море.
 Морские камни, мель в водах переморить,
 Все ветры кормщику под область покорить,
 А это хоть и чудно,
 Хотя немножко трудно,
 Но лъзя природу претворить;
 А ежели никак нельзя того сварить,
 Довольно и того, что лъзя поговорить.

II

Разбив стакан, точить куски, а по отточке
 На всяком тут кусочке
 Поставить аз;
 Так будет из стекла алмаз.

III

Скажу неложно:
 Возможно
 Так делать золото из молока, как сыр,
 И хитростью такой обогатить весь мир.
 Лишь только я при том одно напоминаю:
 Как делать, я не знаю.²²

Эти стихи были написаны в разгар полемики Сумарокова с Ломоносовым. П. П. Пекарский небезосновательно видел в первом стихотворении отклик на «Рассуждение о большей точности морского пути», прочитанное Ломоносовым в торжественном заседании Академии наук. Второе стихотворение, по мнению исследователя, содержало намеки на стеклянное производство, налаженное Ломоносовым при покровительстве Шувалова. Третье стихотворение интерпретировалось как «общее указание на поиски за открытиями, которые занимали пылливый дух Ломоносова».²³ Все это имеет основания, но, как нам представляется, не исчерпывает всего содержания рассматриваемых стихов, направленных не только против Ломоносова, но и против Шувалова и других высокопоставленных членов масонской ложи.

Масоны искали пути получения золота из разных веществ, стремились творить другие чудеса, преобразовывая природу и самого человека. В масон-

²² Трудолюбивая пчела. 1759. Август. С. 483. В подборке «Притчи и разные стихотворения». Подпись: А. С.

²³ См.: Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 661–662.

ской символике играло большую роль представление о «диком камне», который нужно долго и тщательно обрабатывать, чтобы его преобразовать в совершенное творение. Масон имел при себе вместе с другими знаками вольного каменщика лопатку (мастерок) для обработки «дикого камня» — своего сердца, отягощенного всевозможными пороками. «Дикий камень должен был стать неузнаваемым после масонской огранки — „очищенным, обсеченным и сглаженным“»,²⁴ т. е. совершенным, нравственно преображенным. У мастеров лопатка была отшлифованной, у других — необработанной.

Соотнося сказанное с текстом рассматриваемого цикла стихотворений Сумарокова «Новые изобретения», можно расширить их интерпретацию, обратив внимание на явную направленность против масонов и их тайн. В первом стихотворении иронически представлены замыслы «претворить» природу. Во втором, где предлагается огранка разбитого стакана, высмеивается работа над «диким камнем» и самодовольство тех, кто считает себя преуспевшим в этой работе и достигшим совершенства, стремящихся возвысить себя. Наконец, в третьем стихотворении Сумарокова представляются бессмысленными алхимические опыты по превращению разных веществ в золото, порицается желание обогатиться любым путем.

Несмотря на то, что сатирические выпады Сумарокова были завуалированы, недавние «братья» по ложе без особого труда могли понять смысл этих стихотворений. Самое посвящение «Трудолюбивой пчелы» не правящей государыне, а великой княгине Екатерине, восторженные комплименты в ее адрес — это не могло вызвать одобрения у таких приверженцев Елизаветы Петровны, как Р. И. Воронцов, И. И. и П. И. Шуваловы. П. Н. Берков точно оценил значение этого посвящения как политической демонстрации. Ученый писал: «В дальнейших книжках журнала Сумароков в своих притчах, эпиграммах и политических сатирах повел регулярную борьбу с придворной кликой Шуваловых-Воронцовых, с поддерживаемой ими системой откупничества, казнокрадства, лихоимства и т. д.»²⁵ В. П. Степанов справедливо отметил, что «главной причиной закрытия „Трудолюбивой пчелы“ было, очевидно, недовольство двора».²⁶ Можно добавить к этому и явный разлад Сумарокова с именитыми, близкими к императрице «братьями» масонской ложи, в которой он состоял.

Цикл его стихотворений «Новые изобретения» получил некоторое продолжение в публикации, помещенной в 1760 году в журнале «Праздное время, в пользу употребленное». В номере от 23 сентября за подписью «С.» было помещено стихотворение Сумарокова «Сон»:²⁷

Как будто наяву,
Я видел сон дурацкой:
Пришел посадской:
На откуп у судьи взять хочет он Неву
И петербургски все текущи с ней реки.
Мне
То было странно и во сне:
Такой диковинки не слыхано веки.
Судья ответствовал: «Потщися претворить,
Искусный алхимист, во злато воду;
Да б только сим питьем людей не поморить».

²⁴ Смит Д. Работа над диким камнем. С. 44.

²⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 117–118.

²⁶ Степанов В. П. Сумароков Александр Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. Р–Я. С. 192.

²⁷ Праздное время, в пользу употребленное. 1760. 23 сентября. С. 201.

А, впрочем, я хвалю гораздо эту моду
И вижу, что ты друг российскому народу».

Порицание системы откупов, приносивших огромные прибыли, давняя тема Сумарокова, получает здесь дополнительный нюанс: ненасытный откупщик — это «искусный алхимист», от которого корыстный судья ждет превращения речной воды в золото. П. Н. Берков отметил, что стихотворение входит в подборку, включающую колкие эпиграммы, также направленные против откупщиков. Исследователь обратил внимание на то, что в ряде комплектов журнала за 1760 год лист с номером от 23 сентября отсутствует (экземпляр из библиотеки ИРЛИ и в двух частных коллекциях). П. Н. Берков предполагает, что «этот „лист“ был изъят или зачитан».²⁸ Непозволительным и нежелательным могло показаться не только выступление против откупщиков, получавших поощрение свыше, но и насмешка над высокопоставленными «алхимистами» с их неумной жадой золота отнюдь не в переносном смысле (приближение к нравственному совершенству), но в самом прямом — стремлением к личному обогащению.

Имя Сумарокова среди членов масонских лож больше не встречается. Можно полагать, что опыт участия в масонской деятельности горько разочаровал Сумарокова. Но более чем через десять лет, около 1772 года, в творчестве Сумарокова снова появилась масонская тема, и на этот раз еще резче проявилось его ироническое отношение к деятельности «братьев». Речь идет о статье писателя «О новой философической секте», впервые напечатанной Новиковым в 1781 году.²⁹ Здесь иронически изображается некое сообщество мнимых философов. Среди их основных принципов, в частности, называются такие: «Ни о чем не имети понятия, полагая, что все на свете непонятно»; «Презирати все суеты мира и в них паче всех людей упражняться»; «Не надобны науки ради того, что сказал Жак Руссо, что науки вредны», и т. п. Это сочинение связано с группой статей Сумарокова, в которых содержится его полемика с Ж.-Ж. Руссо, прежде всего, знаменитым трактатом о науках и искусствах («Discours sur les sciences et les arts», 1750): «Некоторые статьи одобрители», «К добру или худу человек рождается?», «О слове „Мораль“».³⁰ Poleмика имеет отношение не только к французскому автору, но и к его толкователям, вульгаризировавшим идеи французского философа, часто даже не понимавшим различия между Руссо и Вольтером, но стремившимся выказать свое «вольнудство». Все это было свойственно и многим участникам масонского движения в России 1770-х годов.

Слово «секта» употреблялось применительно к масонским сообществам еще с 1750-х годов. Так, по поводу рукописных масонских сочинений «Белый масон» и «Защитник масонския секты» архимандрит Гедеон Криновский (1726–1763), высоко ценившийся Сумароковым, писал с тревогой в рукописном сочинении «Ответ масонам»: «...не слышится более обличения от пастырей, а секта оных масонов умножается, и философы Вольтер и Руссо величаются».³¹ Показательно, что эти имена упоминаются именно в связи с критикой масонов, которых Гедеон считал единомышленниками французских философов.

В статье Сумарокова не названы конкретные имена участников секты. Однако можно понять, что имеются в виду хорошо известные в то время лица,

²⁸ Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 563 (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

²⁹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... Ч. 10. С. 143–146.

³⁰ См.: Там же. Ч. 6. С. 245–280; Ч. 10. С. 147–150, 153–154.

³¹ Пылин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. / Ред. и прим. Г. В. Вернадского. Пг., 1916. С. 98–99.

причем связанные с масонством. Это может подтвердить и следующий отрывок, наиболее красноречиво характеризующий взгляды, обычаи и поведение членов сообщества: «В беседах говорити очень много или ничего, уподобляясь или ветреной мельнице, или индейскому петуху, при молчаливости имея гордость, а молча и говоря, думать побольше ветреной мельницы и поменьше индейского петуха. Петушанка у них гораздо в большем почтении, нежели ветреницы, ибо они весьма важны, говорят мало и осторожно, да и то по-индейски, дабы по незнанию нашему сего языка главное искусство секты их, по подобию древних во Египте жрецов оставалось таинством, а пишут они, что и не тайно, иероглифами, ради того что они литератами писать умеют худо и правописания не знают. А ветреницы, хотя беседы шумом и довольствуют, однако они в беседах только во время ветра бывают, а в тихое время читают они книгу Жака Русо, которого они не разумеют...».

Упоминание «таинств египетских жрецов» и «иероглифов» непосредственно указывает на то, что предметом сатиры Сумарокова становится деятельность масонских лож. Возводя историю своих учений к глубокой древности, масоны называли «иероглифами» знаки, обозначавшие употребляемые ими понятия. Говоря о «ветренных мельницах», писатель высмеивает пустословие мнимых философов. Упомянув надутую гордостью «индейского петуха» (т. е. индюка), умеющего важно молчать, Сумароков высмеивает одно из важных масонских правил: «молчание», т. е. сохранение «таинства», сущность которого так и не разъяснялась рядовым членам ложи. Масоны старших степеней, претендовавшие на обладание высших познаний, гордились своей мнимой причастностью к тайне и преимуществами, проявляя высокомерие по отношению к новичкам.³² Ироническое упоминание «индейского петуха», имеющего гордую осанку (известное с XVII века расхожее выражение), встречается и в комедии Сумарокова «Вздорщица» (1772), где слуга Розмарин говорит помещице Бурде: «Индийский петух и вас осанистее, да вить не говорите же о нем: его превосходительство» (явл. IX).³³ Это совпадение заслуживает внимания, так как у Сумарокова часто встречаются одни и те же выражения,³⁴ особенно в произведениях, близких по времени написания. Таким образом, можно и рассматриваемую статью датировать началом 1770-х годов.

В 1770-х годах активизировалась масонская деятельность И. П. Елагина. В феврале 1772 года в Лондоне был составлен патент на признание его Великим мастером Провинциальной ложи в Петербурге; в том же году за получением патента в Англию был направлен Лукин,³⁵ и 22 мая 1770 года Елагин получил этот патент. В подчинении его ложи скоро оказалось не менее четырнадцати лож, находившихся не только в Петербурге, но и в Москве, Архангельске, Владимире и других городах России. Великим наместным мастером в этом объединении стал Р. И. Воронцов, возглавлявший ранее ту самую ложу, в которую когда-то входил Сумароков. В декабре 1773 года Елагин избрал в качестве великого секретаря Провинциальной ложи своего помощника и единомышленника Лукина, сделавшегося также мастером одной из елагинских лож (ложа Урании). Сложившийся еще в 1760-х годах литературный кружок Елагина, где активно участвовал Лукин, противостоял Сумарокову-драматургу, не признававшему, в свою очередь, жанр «серьезной комедии», к которому обращались участники кружка. После того, как Сумароков был

³² См.: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 60–61.

³³ Благодарю Н. Ю. Алексееву, обратившую мое внимание на это совпадение.

³⁴ См.: Кукушкина Е. Д. Автоцитаты в произведениях Сумарокова // XVIII век. Сб. 30. С. 112–124.

³⁵ См.: Cross A. G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // Oxford Slavonic Papers. 1971. № IV. P. 48.

отстранен от руководства российским театром, а театральным директором в 1766 году был назначен Елагин, их отношения еще больше ухудшились.³⁶ О «высокомерии» и несправедливости Елагина Сумароков неоднократно писал императрице. Личные отношения писателей обострились до такой степени, что за столом у наследника престола воспитателю его, графу Н. И. Панину, «приходилось не шутя разнимать их».³⁷

Неожиданное возвышение литературных противников и недоброжелателей еще и на другом поприще, очевидно, должно было серьезно задеть и обеспокоить Сумарокова. Среди многочисленных членов и посетителей масонских лож, подчиненных Елагину, было немало литераторов, близких Сумарокову (И. А. Дмитриевский, В. И. Майков, А. А. Ржевский и др.). Поэтому писатель мог получить от них достаточно полное представление о том, что происходило там.

Масонская деятельность Елагина имела мало общего с позднейшими идейными и нравственными исканиями Новикова. Елагин признавался, что его вступление в масонство «содействовала <...> и лестная надежда: не могу ли через братство достать в вельможах покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастью моему».³⁸ Масонские собрания, проходившие то в доме Елагина, то у Лукина, были очень многолюдны: число членов лож и посетителей достигало 100 человек.³⁹ Деятельность этих лож во многом имела светский характер: устраивались концерты, ужины; «братья» развлекались картами и игрой на бильярде. По признанию самого Елагина, быть масоном тогда означало для него «со степенным видом в открытой ложе шутить и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится празднеством Бакху».⁴⁰ В этих собраниях принимали участие и некоторые высокопоставленные лица. Влиятельность Елагина усиливалась, что не могло не беспокоить Сумарокова.

Многих привлекала таинственность и торжественность масонских ритуалов, подробное описание которых содержится в бумагах Елагина.⁴¹ Позднее Новиков, говоря о елагинских ложах, писал: «Сперва, покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им, как игрушкой: собиравшись, принимали всякого, без разбору, говорили много, а знали мало».⁴²

При всей поверхностности этих разговоров, в них, так же как в некоторых масонских речах и песнях, иногда затрагивались философские темы, предпринимались «попытки построить, исходя из „естественной природы“ человека, особую систему морали в духе идеалов Просвещения».⁴³ Елагин вспоминал о своем увлечении «вольнодумством», о том, что его учителями в юности были Вольтер, Руссо и другие европейские просветители. Сходным образом развивались взгляды одного из наиболее видных масонов 1780-х годов И. В. Лопухина, который вспоминал о своей юности: «Некогда не был еще я постоянным вольнодумцем, однако, кажется, больше старался утвердить себя

³⁶ См.: Сумароков А. П. Письма (по указ.).

³⁷ См.: Лонгинов М. Н. Библиографические сведения о русских писателях XVIII века и библиографические известия об их произведениях (И. П. Елагин) // Русская старина. 1870. № 8. С. 197.

³⁸ Пытин А. Н. Русское масонство... С. 94.

³⁹ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 48–52.

⁴⁰ Новые материалы для истории масонства. Записка И. П. Елагина // Русский архив. 1864. Вып. 1. Стб. 100.

⁴¹ Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. 2-е изд. М., 2015. С. 31–50.

⁴² Новиков Н. И. Избр. соч. / Подг. текста, вступ. статья и комм. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1951. С. 627.

⁴³ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 633.

в вольнодумстве, нежели в его безумии; и охотно читывал Волтеровы насмешки над религиею, Руссовы опровержения и прочие подобные сочинения». ⁴⁴ После появления книги Л.-К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» («Des erreurs et de la vérité», 1773) Елагин стал заниматься ее толкованием и написанием трактата «Учение древнего любомудрия». ⁴⁵ В связи с этим у него стало укрепляться представление о масонстве как «древнейшей таинственной науке», которая существует от начала веков. ⁴⁶ При этом свойственная Руссо идеализация «первобытных времен» приобретала мистическое толкование. ⁴⁷

Целый ряд высказываний в статье «О новой философической секте» и история отношений Сумарокова с Елагиным позволяют заключить, что сатира автора направлена именно на деятельность масонских лож 1770-х годов, связанных с елагинской системой. В этом проявилась не только личная вражда и литературное соперничество, но и глубокое неприятие Сумароковым любой профанации, касавшейся важных для него нравственных принципов, отраженных еще в его масонских песнях. В течение многих лет он обращался к темам, так или иначе связанным со стремлением возвеличить добродетель и заклеймить порок, заставить читателя задуматься, почему «не добродетель делает нас во народе отличными, но получаемые нами чины, богатство и сила». ⁴⁸

⁴⁴ Записки сенатора И. В. Лопухина. Репринтное воспроизведение: Лондон, 1860. М., 1990. С. 19 (сер. «Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева»).

⁴⁵ В России книга распространялась в списках, в переводе П. И. Страхова появилась в печати в 1785 году. См.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 219–228, 467–468.

⁴⁶ *Пыпин А. Н.* Русское масонство... С. 143.

⁴⁷ См.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. С. 92.

⁴⁸ *Сумароков А. П.* Некоторые статьи о добродетели // Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... Ч. 6. С. 245.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-39-49

© А. А. ДОБРИЦЫН (Швейцария)

ЭЛЕГИЯ А. П. СУМАРОКОВА «ПРЕСТАНЬТЕ ВЫ, ГЛАЗА, ДРАЖАЙШЕЮ ПРЕЛЬЩАТЬСЯ...» И НЕКОТОРЫЕ ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ОБРАЗЦЫ*

Как всем известно, перевод или переложение может оказаться сильно отличающимся по смыслу от оригинала. Иногда это происходит от непонимания переводчиком чужой эпохи и культуры, но порой оригинал деформируется сознательно, поскольку «преложитель» относится к иноязычному произведению лишь как к источнику некой общей идеи, которая сбивает того, чтобы ей воспользоваться, но при этом позволительно как угодно ее переиначивать.

Ясно, что в такой ситуации источник вдохновения оказывается трудно распознаваемым, так что и само употребление слова «источник» становится не вполне обоснованным.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01701) в Институте мировой культуры МГУ.